

Бог говорит Гагарину: Юра, теперь ты в курсе:
нет никакого разложения с гнилостным вкусом,
нет внутри человека угасания никакого,
а только мороженое на площади на руках у папы,
запах травы да горячей железной подковы,
березовые сережки, еловые лапы.

Только вот это мы носим в себе, Юра,
смотри, я по небу рассыпал красные звезды,
швырнул на небо от Калининграда и до Амура,
исключительно для радости, Юра,

ты же всегда понимал, как все это просто.

Мы с тобой, Юра, потому-то здесь и болтаем
о том, что спрятано у человека внутри.

Никакого секрета у этого, никаких тайн,
прямо как вернешься — так всем сразу и говори,
что не смерть, а яблонев цвет у человека в дыхании,
что человек — это дух небесный, а не шакалий,
так им и рассказывай, Юра, а про меня не надо.

И еще, когда будешь падать —
не бойся падать.

* * *

Когда Людмила закончила разделять мясо
И вышла из последнего рабочего дня в двухнедельный отпуск,
То лето внезапно упало на нее всей тотальной массой,
И она плеснула на землю пиво, и это был первый откуп.

Когда она летела, то вспоминала детство и Севастополь,
Когда они приехали с мамой в плацкарте, питались лапшой растворимой,
С тех пор во дворе вырубил кусты жасмина и старый тополь,
А Людмила вообще уехала. И море было все как-то мимо.

Она увидела его на рассвете. Побежала вперед, споткнулась,
До крови рассекла ногу, и это была вторая жертва.
И море, выглянувшее из каменистых зеленых улиц,
Сказало ей, что нет ни разводов, ни смертельной жатвы,

Ни похорон собаки Жужи в прошлом июле,
Ни работы, где душно и пахнет кровью,
А есть только девочка Люда и мама Юля,
Ну куда ты высунулась, дай укрою.

И пошла, как была она, в шлепках, при покрывале,
Но потом оставила их и дальше пошла по камням придонным,
И глядела сквозь свет зеленый, а медузы к ней подплывали
И смешно щекотали ее ладони.

* * *

Гипсовый пионер Алеша
Из заброшенного лагеря «Огонек»
Спрыгнул однажды с постамента
На пальцы гипсовых ног,
И вострубил пионер Алеша,
И пела его труба,
Как чайка над морем,
Как камни в ручье
И ветер в дубах.
Но никто не услышал пионера Алешу,
И тогда он пошел,
Арматура торчала из дырки в груди,
Но было ему хорошо.
Шел он, подобный ангелу,
Шел по Руси,
Ни хлеба, ни крова и ни воды не просил,
Но ему давали.
И он говорил, поедая суп:
«Я думал, что все не зря, когда трубу я держал у губ,

Я думал, что главный звук внутри у меня зачат,
Я думал, что есть работа для трубача».
Его привечали
Главным образом старики,
Хотели б оставить, но он уходил с тоски,
С раскрошенной гипсовой губой
И неизменной своей трубой.
Гипс — это твердый, но хрупкий материал.
Когда Алеша
Дошел до моря и заиграл,
Не было у него ни пальцев,
Ни уха под волосами,
Словно его травили цепными псами.
Но он заиграл,
Запел он своей трубой,
И вышел навстречу ему подпевать прибой,
Трубил он, пока не вздрогнули
У него за спиной города,
Пока не поднялся тревожно
Старый солдат,
Пока не согнулся в приступе кашля министр,
Трубил Алеша, и звук был, как море, чист,
Трубил,
Пока, рассыпавшись, не осел.
Господь принимает всех.

* * *

Тили-тили-тили-бом!
Загорелся кошкин дом,
Загорелся рысий,
Загорелся лисий.

И у волка, и у птицы,
И у злого секача
Загорелся дом, не скрыться,
Не взлететь и не умчаться.

И вот они стоят у небесных ворот, говорят: «Открывай, Господь»,
Стоят эти звери около двери, и огонь за ними идет,
Но не велено в рай пускать бессловесное лесное зверье,
И им некуда больше идти, обожженное тело нести свое.

А в тайге под землей горят кедровые корни, огонь горит под землей,
И звери бегут от ада, чуя жар его, чуя вой,
Но земля подламывается под ними и под ангелами в форме из МЧС,
и звери бегут от ада, но ад настигает лес.

И тогда святой Франциск говорит святому Петру:
«Дай, говорит, подмену, пот усталости со лба твоего оботру,
Потому что — знаешь — не справляются наши ангелы на земле,
Потому что Божье дыхание канет в огненной мгле».

И святой Франциск открывает двери для кошек, зайцев и лис,
Проходите, маленькие, не бойтесь, отныне навеки теперь спаслись,
Потому что любовь воистину — более, чем закон,
Потому что только она побеждает адский огонь.

* * *

А воздух жаркий, и липкий, и так его мало.
Пропустите, говорит, пропустите, я Его мама,
но ее, конечно, не пропускают,
ад хохочет, трясется, и зубы скалит,
торжествует.
А она говорит: дайте мне хоть ручку Его неживую,
подержать за ручку, как в детстве,
я же мама, куда мне деться.
Вот она стоит, смерть перед ней, в глаза ей смеется,
Пасть у смерти вонючая, зрачки-колодцы,
Смерть идет по земле, стирает гранит и крошит,
А она отвечает:
Маленький мой, хороший,
Ты уж там, где ты есть, победи, пожалуйста, эту дрянь.
Ты вот ради этого, пожалуйста, встань,
Открывай глаза свои, неживые, незрячие.

И плачет, сильно-пресильно плачет.

Он войдет в ее дом через три дня.
Мама, скажет, мама, послушай, это и правда я,
Не плачь, родная, слушай, что тебе говорят:
Мама, я спустился в ад, и я победил ад,
Мама, я сделал все, как ты мне сказала.
Смерть, где твое жало?